

Земля. Окинава. Институт Дэйстрома...

Брюс Мэддокс не мог припомнить случая, когда ему нравилось преподавать.

Он никогда не представлял себя в роли учителя; его желанием всегда было потерять себя в лаборатории, погрузиться в теоретическую работу. Он хотел, чтобы его оставили в покое, чтобы он работал над тем, о чем мечтал с детства, когда читал и смотрел все, что мог, об андроидах, удивляясь тому, что что-то может выглядеть живым и в то же время не быть живым. Потом, позже, услышав о Дайте и увидев Дайта...

Он был уверен, что сможет создать такую машину. Все, чего он хотел — это получить свой шанс. Но столько всего мешало: заседания комитета, экспертная оценка, экспертиза... Неудивительно, что Нуниан Сунг спрятался. Иногда Мэддокс мечтал бросить все и умчаться в неизвестность, где его оставят в покое, чтобы совершить свой прорыв.

Преподавание отнимало все силы и время. За годы работы он сделал все возможное, чтобы ограничить количество времени, которое он должен был посвящать этому занятию, и все же вот он здесь, во второй половине дня, ведет группу из десяти аспирантов по продвинутой позитронике. Они не понимали почти ничего из того, что он говорил. Конечно, не понимали: Мэддокс не был уверен, что полностью понимает себя. Только Сунг полностью понимал позитронику; только Сунг создал разумного андроида, научное чудо.

Мэддокс намеревался стать следующим — но вот он застрял в классе, а как только вырвется на свободу, будет вынужден работать на Ла Форджа.

Жизнь коротка, и с годами Мэддоксу казалось, что часы тикают все громче и громче. Иногда он беспокоился, что его лучшие годы прошли, что его творческий потенциал исчерпан. Иногда он боялся, что полностью упустил свой шанс. Что он никогда не увидит воплощения своей мечты, не увидит искру жизни в глазах одного из своих творений. Другие коллеги, как он знал, находили преподавание захватывающим. Работа с энергичными и несформировавшимися молодыми умами придавала их собственной работе и страсти свежесть и жизненную силу.

Но Мэддокс считал утомительной постоянной необходимость объяснять основные принципы. Даже в аспирантуре, где студенты понимали глубже, он с трудом находил единомышленников.

Конечно, дети, собравшиеся здесь сегодня днем, были способными, но они не были целеустремленными. Они просто ставили галочки перед тем, как им разрешат перейти к своей специализации. Они могли понять основы, но они не понимали, что имеет значение. Им было все равно... и это делало их еще одной монументальной тратой его драгоценного и быстро исчезающего времени. Но академический протокол — не говоря уже об этике — требовал, чтобы младшие коллеги не несли бремя преподавания, особенно когда они пытаются зарекомендовать себя как серьезные исследователи. Сколько бы Мэддокс ни доказывал, что старшим сотрудникам необходимо это время и пространство, чтобы иметь возможность проводить исследования на высшем уровне, он все равно в итоге преподавал в течение нескольких часов сверх того, что хотел.

Но как только занятия заканчивались, он всегда мог вернуться к своему столу — к своей работе.

С облегчением он возвращался к хитросплетениям и головоломкам своих исследований, к неуловимому обещанию создать синтетическую разумную жизнь. Теперь даже это должно было быть отнято.

И ради чего? Чтобы создать роботов. Машины. Игрушки. Прошло уже несколько недель после визита Ла Форджа, и из-за его требований и классных обязанностей Мэддокс практически забросил свои исследования. Он без интереса смотрел на свой класс.

Они равнодушно смотрели в ответ.

— Хорошо. — сказал он. — На сегодня достаточно.

Через несколько секунд они поднялись со стульев и вышли за дверь. Мэддокс запихнул свои записи в портфель. Вернувшись в свой кабинет, он ждал вопросов от Ла Форджа, сообщений от этой проклятой Маккензи. Если повезет, он найдет немного времени в нерабочее время, чтобы заняться собственными исследованиями.

— Доктор Мэддокс?

Одна из студенток все еще стояла рядом.

Молодая девушка. Он не мог вспомнить ее имя; он еще не запомнил имена всех студентов, и не был уверен, что успеет сделать это до конца семестра. Однако он узнал ее. Она сидела впереди на каждом из этих семинаров. Длинные светлые волосы стянуты в хвост, с обеих сторон выбиваются прядки, как будто она не запомнила, как их правильно закрепить.

Она жевала нижнюю губу. Глаза широко расставлены и смотрят с нетерпением. В целом, от нее исходили свежесть и энергия, которые заставили его почувствовать усталость.

— Да, мисс... э-э-э...

— Джурати. Агнес Джурати. Вообще-то, Доктор. Я доктор медицины.

— Доктор Джурати, конечно.

Теперь он вспомнил имя. Звёздный Флот. Она была командирована сюда, часть какой-то междисциплинарной программы, еще одно вмешательство Звёздного Флота... Она прислала ему сообщение (озаглавленное «Потенциальные темы для диссертации?»), которое он еще не открыл. Он подхватил свой портфель и начал двигаться к двери.

— Чем могу помочь?

— Я хотела спросить, видели ли вы мое сообщение? — она последовала за ним.

— Я видел его. — сказал он.

— И я надеялась, что у вас есть какие-то мысли? О финальном проекте, я имею в виду? — она выглядела встревоженной и хотела угодить.

Он хотел уйти. К концу дня он чувствовал себя чертовски уставшим...

— Боюсь, у меня не было возможности прочитать все подробно. — она выглядела такой расстроенной, что ему стало неловко. Он жестом обвел комнату. — Как только начинается преподавание, кажется, что ты никогда не успеваешь все сделать.

Она сделала довольно неумелую попытку скрыть свое очевидное глубокое разочарование.

— Конечно, да, конечно... — она просветлела и широко, мило улыбнулась. — Вы возвращаетесь

в свой офис? Я направляюсь туда. Может быть, я могла бы набросать вам свои идеи прямо сейчас?

— Хм, может быть, будет лучше, если вы назначите встречу?

— Встречи требуют времени, доктор Мэддокс. Это время вы уже тратите на ходьбу.

«Да... — подумал он. — ... но время прогулок — это время размышлений, а как только я оказываюсь за своим столом, я застаиваюсь в размышлениях о проклятых игрушках.»

Она бодро шагала рядом с ним, не теряя надежды. Она не собиралась принимать отказ, не так ли?

— Доктор Мэддокс... — сказала она. — ... надеюсь, это не звучит странно...

«Почему я?» — подумал он.

— Но я приехала в Институт Дэйстрома, чтобы учиться у вас. Никто другой не подойдет. Никто больше не делает ничего, что стоило бы изучать. Вот почему я приехала сюда. — она смотрела на него с чем-то близким к преданности. — Я читала вашу работу по андроидам типа Сунг. Это блестяще. Это то, чем я хочу заниматься. Вы — причина, по которой я здесь... — она протянула руки. — Пожалуйста. Выслушайте меня. Пока вы идете обратно в свой офис.

Гениальные, одаренные люди ничем не отличаются от остальных: подвержены сомнениям, восприимчивы к лести. Брюс Мэддокс, в конце концов, был всего лишь человеком и вряд ли являлся совершенным творением своего воображения. Он вывел девушку из аудитории вперед себя, выключил свет и закрыл дверь.

Он стоял в коридоре и смотрел на надежду в ее глазах.

— Я уже давно говорю. — сказал он. — Как насчет того, чтобы пойти и выпить кофе?

— О-о-ох, с удовольствием! — её глаза сияли.

Было уже пять часов.

На улице темнело, хотя было еще достаточно тепло, чтобы он мог надеть куртку. Они неизбежно оказались в кофейне кампуса. Она взяла кофе со льдом в высоком стакане, он — зеленый чай. Когда они направлялись к столику, она вдруг отступила назад и подбежала к стойке, чтобы наложить стопку шоколадного печенья.

— Извините. — сказала она, уже откусывая от одного из них, когда села напротив него. — Ваши занятия выносят мне мозг, и я так проголодалась после них! Хотите чего-нибудь?

Она не переставала говорить с самого начала занятий, и печенье не замедляло ее темпа. Она рассказала, как прочитала почти все, что он написал, и он понял, что она говорит с настоящим пониманием. Она также говорила руками. Рассказывая о его последней статье, она чуть не опрокинула высокий стакан кофе со льдом. Когда они оба протянули руки, чтобы поднять стакан, их ладони соприкоснулись.

Она засмеялась, и он тоже. Она была милой. Но он должен был положить этому конец, и немедленно. Если бы только она вошла пять лет назад, десять...

— Доктор Джурати.

— Я не против имен, знаете ли. — она покраснела. — Я имею в виду, пока вы...

— Агнес. — сказал он. — Мне было приятно слышать, как вы говорите. Это было... — он снова засмеялся. — Это была радость, если честно.

— Эй, я тоже! — она усмехнулась, на ее левой щеке остался небольшой след от шоколада.

— Но боюсь, что сейчас я не беру учеников.

Её лицо поникло. Ему показалось, что он пнул щенка. Неужели она была способна скрывать какие-либо эмоции? Все сразу же вырвалось наружу.

— Простите?

— Я сейчас не принимаю учеников.

На мгновение он испугался, что она заплачет.

— Но это не то, что я говорю о докторской работе... это последний проект в этом семестре, и нет никого другого, кого бы я хотела, я имею в виду, я даже не собираюсь быть здесь в следующем семестре, я собираюсь вернуться в Звёздный Флот...

— Агнес...

— Почему? Почему нет?

«Десять лет назад... — подумал он. — ... пять.»

Они могли бы работать вместе, блаженно, без помех. Он представил, как это было бы, иметь студента, который действительно понимал его работу, а не относился к нему как к проходу к необходимому зачету. Могло бы это что-то изменить, если бы было с кем обсудить его работу? Может быть, они бы совершили прорыв, тот самый неуловимый прорыв. Все это время он работал в одиночку... И вот она здесь, а проклятое ромуланское солнце выбрало чертовски удачное время для сверхновой.

Его чай остыл. Он оттолкнул чашку — он не хотел пить его с самого начала.

— Потому что я больше не работаю в этой области.

— Что вы имеете в виду?

— Я больше не работаю над позитроникой.

Ее рот распахнулся в шокированной позе... — Вы ведь не сдались? Вы не можете! Я не могу поверить, что вы сдались...

— Да — сказал он. с горечью. Затем.... — Нет. Я не сдался. Меня заставили сдать.

— Кто? — спросила она. — Кто заставляет вас сдать? Вас не могут заставить отказаться от работы всей вашей жизни!

— Боюсь, что можно. — сказал он. — Или, если честно, кто-то, кем я восхищаюсь и кого уважаю, может попросить меня сделать что-то настолько трудоемкое и необходимое, что я не смогу продолжать свои исследования.

— Что может быть важнее того, что вы делаете? Черт возьми, вы пытаетесь создать жизнь!

Он начал смеяться, но не беззлобно, а просто от удовольствия услышать, как кто-то другой говорит то, что он слышал только в своей голове. Он упал обратно в свое кресло.

— О-о-ох, Агнес. — сказал он. — Как бы я хотел, чтобы вы появились много лет назад. Мы могли бы сделать что-то особенное...

— Мы все еще можем! — знала ли она, как мило она выглядит? Её лицо было покрыто шоколадным печеньем, глаза сияли от негодования. Нет, конечно, она не знала. Забвение было частью очарования. — Что вас заставляют это делать?

— Знаете, некоторые вещи, которые мы здесь делаем, не нуждаются в широкой огласке... — он обвел взглядом комнату.

— О-о-ох, мне так жаль... — она побагровела. Она закрыла рот рукой.

— Не волнуйтесь. Но... нет. Это я сожалею. Я бы хотел, но я не могу. Это невозможно. — он выпил остатки своего холодного чая и встал. — Мне жаль.

— Но я даже не начала объяснять свою идею! — она вскочила, схватив со стола свой блокнот.

Он поднял руки, чтобы остановить ее. Он не хотел слушать, что она скажет. Что, если это окажется бессмысленным? Что, если это окажется тем единственным, что могло бы изменить ситуацию?

— Я не могу работать с вами, доктор Джурати.

— Послушайте... — сказала она. — ... вы когда-нибудь задумывались о возможностях одного позитронного нейрона?

— Сейчас я сместил фокус. — он вздрогнул. Но нет, он не мог этого допустить. — Я работаю над био-нейронными схемами...

— Хм, это большой сдвиг. — она выглядела озадаченной. — С чего бы вам вдруг работать над чем-то подобным?

— Я же сказал вам. Это то, что нужно прямо сейчас.

Он видел, как она нахмурила брови, наблюдал, как шестеренки ее мозга сдвигаются и поворачиваются.

— Эй, они ведь работали над этим на Марсе, не так ли? Для кораблестроения? — он видел, как она пришла к пониманию. Боже, как она была остра! — О-о-ох, понятно...

— Да, хорошо, вы помните, что это не должно широко обсуждаться, а мы в кофейне кампуса?

— О-о-ох, конечно... — она сделала шаг к нему. — Но это ничего не меняет, не так ли?

— Это совершенно другая область!

— И что?

— Ну и что!

— Значит, вы можете работать в обеих сразу.

— Простите? — он остановился.

— Извините! Вы — Брюс Мэддокс! Вы — живой эксперт галактики по синтетической жизни! Вы можете работать сразу над двумя. — ее волнение набирало обороты. — Почему бы и нет? Может быть, они сводятся к одному и тому же? Может быть, есть что-то, что объединит эти технологии? — она начала смеяться. — Я не знаю! Вы эксперт! Вы гений!

«Гений? — подумал он. — Эй, а почему бы и нет?»

— Но ведь именно вам предстоит это выяснить, не так ли? — она протянула руку, чтобы коснуться его запястья, очень нежно. — Не так ли, Брюс?

«Да. — подумал он. — Да.»

Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, стереть пятно шоколада. Она покраснела, когда поняла, что он делает.

Они встретились на следующий день, в середине утра, на том же месте. Он с трепетом наблюдал, как она уничтожает два кусочка морковного торта со сливочно-сырной глазурью. Она рассказала о своем проекте. На следующий день она пришла к нему в офис и рассказала о его последней работе. На следующий день она пришла к нему домой. На этот раз ему даже удалось немного поговорить.

Он рассказал больше о работе, которую он делал с Маккензи, и почему. Она была в восторге. Он подумал, что, возможно, этим все-таки стоит заняться.

— Но ведь это не дело всей вашей жизни? Неважно. — вдруг сказала она. — Я обещаю тебе, Брюс, ты можешь получить все.

Он не воспринял ее всерьез, не совсем. Он знал, что она скоро вернется в Звёздный Флот, а он вернется к проклятым игрушкам. Он предложил ей снова выпить кофе после следующего семинара. Он смотрел, как она откладывает огромный кусок торта, и улыбался ее энтузиазму. Она скоро уезжала.

Конечно, за это время они могли бы просто насладиться обществом друг друга, интеллектом друг друга? Что плохого в том, чтобы составить друг другу компанию?

Никакого вреда.

<http://tl.rulate.ru/book/108113/4043847>